

УДК 130.2

Со-бытийный характер инновационной деятельности

С.А. ОСТРЕНКО

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина, E-mail: ostrenko2005@ukr.net

Авторское резюме

В статье раскрывается со-бытийное основание инновационной деятельности. Показано, что истоком событийного характера инновационной деятельности выступает понятие события (das Ereignis) М. Хайдеггера, возникновение которого означало переход от трансцендентально-горизонтального мышления к бытийно-историческому, позволяющему прояснить собственные основания и приводить к определенным переменам в мире. Исследовано, что основными характеристиками событийности инновационной деятельности выступают: смысловая, процессуальная, проблематизирующая, экзистенциальная, бинарная, сингулярная, лингвистическая, темпоральная.

Показано, что событие в инновационной деятельности выполняет роль аристотелевской формы, то есть задает определенные смыслы и направляет действия.

Отмечается, что событийность инновационной деятельности обладает процессуальным характером и наряду со смысловой составляющей обеспечивает ее энергетическое наполнение.

Раскрыто, что событийность инновационной деятельности проблематизирует существующее положение дел, принуждает к необходимости его ревизии.

Уяснено, что экзистенциальность событийности инновационной деятельности возможна только через постановку под вопрос того, кто вовлечен в подобного рода деятельность. Иными словами, это всегда состояние не-алиби в бытии (М. Бахтин).

Показано, что событийность инновационной деятельности обладает бинарной природой, существует как парадокс, который задает ее границы.

Отмечено, что сингулярность событийности инновационной деятельности делает последнюю социокультурным феноменом. Последний имеет строгую локализацию во времени, пространстве, типе культуры и приводит к определенным переменам в мире. В своей сингулярности событийность инновационной деятельности имеет жесткую привязку к языку, это обновление не только концептуального аппарата, но и видения мира.

Исследовано, что событийность инновационной деятельности обладает темпоральной природой как синтеза двух времен: Хроноса (становление, начинание, актуальная бесконечность) и Эона (чистое действие, потенциальная бесконечность).

Ключевые слова: инновация, событие, смысл, процесс, проблема, бинарность, экзистенция, сингулярность, лингвистичность, темпоральность.

Co-acting character of innovation activity

S.A. OSTRENKO

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnepropetrovsk, Ukraine,
E-mail: ostrenko2005@ukr.net**Abstract**

The article deals with co-acting foundation of innovative activity. Showed that the roots of co-acting character of innovative activity is notion co-act (das Ereignis) by M. Heidegger. The genesis of this notion means the transfer from transcendental-horizontal thinking to being-historical. The last allows to clarify own foundations and to lead to some changes in the world. Researched that main characteristics of co-acting of innovative activity are sense, process, problem, existence, binary, singularity, linguistic, temporality.

Showed that co-acting in innovative activity plays the role of the Aristoteles' form. It's not the result of activity, but the root of it. It determines some senses and coordinates some acts. Innovative activity should be co-acting in the world.

Signed that co-acting of innovative activity has process character and together with sense provides its energetic filling. Becoming is one of the most important characteristic of innovative activity. It shows stream nature of innovation.

Discovered that co-acting of innovative activity makes problems in existing order of things and forces it to revision. It means that co-acting deals with problems. Co-acting makes problems and is a problem at the same time.

Understood that existential character of co-acting of innovative activity is possible through calling into the question the person who engaged in innovative activity only. Other words, it is condition of non-alibi in being always (M. Bakhtin).

Showed that co-acting of innovative activity has binary nature, exists as a paradox, which determines its limits.

Signed that singularity of co-acting of innovative activity makes the last as the sociocultural phenomenon. Co-acting has strong localization in time, space, type of culture and leads to some changes in the world.

© С.А. Остренко, 2015

Binary oppositions in innovations have point of mutual transferring also. In its own singularity co-acting of innovative activity has strong relation with language. It's renewing not only conceptual thesaurus, but world outlook.

Researched that co-acting of innovative activity has temporal nature as synthesis of two times: Chronos (becoming, genesis, actual infinity) and Aeon (pure activity, potential infinity).

Keywords: innovation, co-acting, sense, process, problem, existence, binary, singularity, linguistic, temporality

Постановка проблемы. Феномен инновации как таковой предполагает собой определенную неклассическую ситуацию – ситуацию разрыва – в культуре, когда новое начинает заявлять свои права, вступать в конфликт с установившимся, традиционным положением дел. Досократическая философия с ее поиском первоначала (*hypokeimenon, substantia*) бытия, попыткой объяснения мира исходя из некоего единого (*hydor, aer, areiron, ge, pur*) принципа, с одной стороны, разрыв с предыдущей – мифолого-религиозной – традицией, с другой, установление новых стандартов видения мира. И даже если взять различные реконструкции философских взглядов Платона (В. Виндельбанд, П. Наторп, М. Хайдеггер, В. Асмус, А. Лосев и др.), то подобного рода реконструкция будет всегда носить инновационный характер по отношению к своему первоисточнику. Понимание феномена инновации как творческого процесса в его неклассичности требует прояснения целого ряда внутренних механизмов, одним из которых выступает «событие».

Анализ исследований и публикаций. Введение понятий «событие», «бытийность» в философский обиход в XX в. знаменовал собой кардинальный поворот от трансцендентально-горизонтального мышления с его абсолютностью абстрактных понятий истины, добра, красоты, верой в незыблемое внеисторическое значение и величие разума к бытийно-историческому, где каждое понятие нуждается в вопрошании, осмыслении, истолковании, где нет доверия к таким метанаррациям как истина, добро, разум, дух, сознание и др.

Само по себе понятие «событие» можно трактовать в широком спектре: с точки зрения природного (космогонического, физического), исторического (знаковые даты), макросоциального (войны, социальные катаклизмы), психобиографического (история жизни отдельного человека), повседневного явлений. В XX в. свое концептуальное оформление понятие «событие» оформилось в целом ряде направлений: фундаментально-онтологическом (М. Хайдеггер), постбергсониаанском (А.Н. Уайтхед), постструктуралистском (Ж. Делез), метапсихоаналитичном (Ж. Лакан), историчном (Ф. Бродель, М. Блок, М. Фуко), семиотическом (Ю. Лотман, В. Библихин), синергетическом (С. Курдюмов) и др. М. Хайдеггер в поздний период своего творчества обращается к анализу понятия *das Ereignis*. Если в «Разъяснениях к поэзии Гельдерлина» проблематика *das Ereignis* намечается, то в статьях «Преодоление метафизики», «Письмо о гуманизме», «Вопрос о технике», «Вещь» и др., дается аналитика этого понятия.

Das Ereignis, по мысли М. Хайдеггера, практически не поддается переводу на другой язык, как непередаваемы в этом отношении греческий *Logos* и китайское *Dao*. Тем не менее, можно говорить об определенной традиции не только перевода, но вообще концептуального подхода и осмысления этого понятия. В русском языке понятие *das Ereignis* больше соответствует «событие», а учитывая хайдеггеровскую специфику работы с понятиями – «со-бытие», а в украинском – подія (по-дія, соответственно).

Проект фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, как известно, во многом строился вокруг проблематики ключевого вопроса европейской метафизики – что есть бытие? – его ближайшего характера к бытию человека, неизбежности забвения и такого насущного возобновления вопрошания: «Вопрос о смысле бытия не только не разрешен, не только удовлетворительно не поставлен, но при всем интересе к «метафизике» предан забвению» [6, 21]. Поскольку бытие – как понятие, введенное Парменидом, – задает вектор становления и развития всей европейской культуры (атомная бомба, по мысли М. Хайдеггера, впервые разорвалась в поэме Парменида «О природе»), и аккумулирует вокруг себя другие важные понятия (сущее, разум, техника, мир, истина, произведение и др.), то, с точки зрения немецкого философа, необходимо попытаться вернуться к изначальным смыслам, которые были заложены в эти понятия. Отсюда идея деструкции онтологии: «Если для самого бытийного вопроса должна быть достигнута прозрачность своей ему истории, то требуется распатывание окостеневшей традиции и отслоение наращенных ее сокрытий. Эту задачу мы понимаем как проводимую по путеводной нити бытийного вопроса деструкцию наследованного состава античной онтологии до исходного опыта, в каком были добыты первые и с тех пор ведущие определения бытия» [6, 22].

Деструкция онтологии как методологическое условие исследования ключевых понятий европейской метафизики во многом обуславливает необходимость перехода от трансцендентально-горизонтального мышления к бытийно-историческому. Бытийно-историческое мышление занимается преодолением традиционной метафизики. При этом сама по себе метафизика не уходит, не улечивается, а «возвращается видоизмененной назад и остается у власти в качестве продолжающегося править отличия бытия от сущего» [7, 177]. Артикулируя бытийно-исторический характер мышления, М. Хайдеггер дистанцируется от господствовавшей на то время историографии,

которая обладает двумя существенными недостатками – бессобытийностью и историзмом.

Бессобытийность историографии заключается в том, что она, во-первых, не ставит под вопрос свой понятийный аппарат, то есть не занимается прояснением собственных оснований, не предполагает того, что М. Хайдеггер назвал экзистенциальной аналитикой в противовес аналитике категориальной, не предполагающей переживания этих понятий, а во-вторых, направлена на изучение и фиксацию следствий, а не причин, не оснований. Отсюда: «Никакая акция, никакой активизм не изменят состояния мира, потому что бытие как действительность и действие замыкают сущее от события» [7, 192]. В этом смысле, при всем уважении к тому, что наработано в области теоретического осмысления инновационной деятельности В.И. Слободчиковым, если мы ограничимся его схемой инновационного цикла «источник инноваций – инновационное предложение – деятельность по реализации новации – новый тип общественной практики», то она даст нам только общее и весьма формальное представление об инновационном процессе, но не позволит взглянуть в сердцевину: что происходит в источнике инновации?, как формируется инновационное предложение?, как осуществляется деятельность по реализации новации и пр. В границах данной схемы исследование носило бы историко-культурный, историко-научный, но не философский, а еще точнее, социально-философский характер.

Историзм же современной М.Хайдеггеру историографии заключается в том, что она во многом находилась в зависимости от исторической науки XVIII–XIX вв., для которой значимы идеи Вольтера о социальном прогрессе как поступательном развитии человечества от низших форм к высшим, Ш.-Л. Монтескье о естественных законах истории, Г.В.Ф. Гегеля о саморазвитии абсолютного духа, К. Маркса о сменах социально-экономических формаций и др. Тем самым историография сама основывалась на определенных метафизических предпосылках и допущениях, которые оставались непроясненными. М.Хайдеггер отмечает: «История свершается как событие, не как происшествие. И что сбылось, то не уходит в прошлое» [7, 204]. Если историография направлена на происшествие, то бытийно-историческое мышление – на события. Отмеченные идеи М. Хайдеггера о том, что любая активность не изменит состояния мира, если не затронет существо события, и что событие отлично от происшествия, роднит заданный вектор исследования с инновационной деятельностью.

Цель исследования – дать содержательный абрис событийному характеру инновационной деятельности.

Изложение основного материала. Инновационная деятельность должна не просто затрагивать существо события, но быть событием, иметь все признаки события, только тогда возможна в мире некая необратимая перемена или

установление некоего смысла. Рассмотрим ряд обстоятельств.

Первое, что необходимо отметить, инновации, прежде чем осуществиться, необходимо оформиться как некий новый, отличный от прежнего смысл. Ж. Делез пишет: «...смысл и есть событие, при условии, что событие не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением в положении вещей» [4, 42]. Событие не является результатом неких действий, наоборот, осуществляемые действия выступают результатом определенного действия: «Событие – не то, что происходит (происшествие). Скорее, оно внутри того, что происходит – чистое выраженное» [4, 199]. Мы можем говорить об инновационной деятельности как процессе и результате. В своей процессуальности инновация протекает в определенных пространственно-временных, но не отождествляется с ними. В своей смысловой нагруженности инновация – не результат действия, но, как несущая в себе новые смыслы, задает, направляет свои действия.

Второе, что необходимо отметить. Инновация есть некий процесс вновления. Инновация не может существовать вне становления. Становление – сущность инновации. Вне становления невозможно производство новых смыслов. И здесь интересно наблюдение Ж. Делеза: «Событие соразмерно становлению» [4, 125].

Третье обстоятельство. Инновация возможна в том случае, если открывается некая проблема: существующее положение дел не такое, каким может и должно быть. Событие, в свою очередь, имеет дело с проблемами: «Модус события – проблематическое. Нельзя сказать, что существуют проблематические события. Можно говорить, что события имеют дело исключительно лишь с проблемами и определяют их условия... Событие само по себе становится проблематическим и проблематизирующим» [4, 82]. Инновационная деятельность проблематизирует существующее положение дел и, в свою очередь, сама выступает проблемой, поскольку всякий раз производство новых смыслов – это путь в неизвестность, сопряженный с трудностями. Инновация одновременно проблематическое и проблематизирующее, и здесь выделим четвертое обстоятельство.

Инновация проблематизирует не только существующее положение дел, но и существование того, кто этими вопросами задается. Только поставив под вопрос собственное существование, только выйдя из зоны комфорта, можно установить в жизни некие новые смыслы. И здесь вскрывается экзистенциальная сородственность инновации и бытия. М. Хайдеггер пишет: «...бытие и время имеют место только в событии, этому последнему принадлежит та особенность, что им человек как тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся человек принадлежит событию» [7, 405].

Пятое обстоятельство. Инновационная дея-

тельность сущностно фундирована бинарными оппозициями, о чем шла речь в предыдущем подразделе, и как таковой ей присущи парадоксальность, пограничность. Фигурально выражаясь, парадокс во многом отец инновации. И здесь же обнаруживается событие: «Парадокс – это освобождение глубины, выведение события на поверхность» [4, 25]. Бинарный характер инновационной деятельности в равной мере присущ и событию. Ж. Делез определяет события как «точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния» [4, 80]. Бинарность инновационной деятельности задает разметку ее границ. В свою очередь: «События – подобно кристаллам – становятся и растут только от границ или на границах» [4, 26]. Но если бинарность сущностно относится к инновационной деятельности, значит в самой этой деятельности должна быть некая точка, где оппозиции сливаются воедино. Это было подмечено Николаем Кузанским в его учении об умудренном неведении (*docta ignorantia*), где противоположности: максимум – минимум, движение – покой сходились. В свою очередь, «событие позволяет активному и пассивному довольно легко меняться местами, поскольку само не является ни тем, ни другим, а скорее их общим результатом» [4, 24].

Шестое обстоятельство. Инновационная деятельность ограничивается гуманитарным срезом образования. А гуманитарное знание, как известно, во-первых, имеет дело с личностями, историческими образованиями как некими сингулярными образованиями, а во-вторых, имеет жесткую привязку к языку. В этой связи интересно, что Ж. Делез настаивает на том, что, во-первых, событие – «сингулярность, или, скорее, совокупность сингулярностей... поворотные пункты и точки сгибов, узкие места, узлы, преддверия и центры... точки чувствительности» [5, 80], а во-вторых, «событие по сути своей принадлежит языку» [5, 42]. Принадлежность языку обуславливает процессуальный характер и инновации, и события: «Событие соразмерно становлению, а становление соразмерно языку» [4, 25].

Процессуальный, сингулярный, исторический характер инновации и события выводит нас на еще одно седьмое обстоятельство. Речь идет о временном или темпоральном измерении инновации и события, для чего необходимо рассмотреть понятие событийности.

Понятие событийности относится к постмодернистской философии. Его возникновение связано с отказом от линейной версии прочтения исторического процесса. Имеется ввиду следующее. В традиционалистском обществе время циклично, оно всецело определяется сферой сакрального. Боги определяют течение времени, и это так называемое сакральное время или архе: «Архе содержит последовательность событий, но не существует в определенном времени» [8, 136]. При этом существуют различные временные циклы. Так, К. Хюбнер в «Истине мифа» выделял моноциклическую

направленность времени (время прихода и ухода Персефоны) и полициклическую направленность времени (священное время гончарного ремесла). Наряду с сакральным временем существует и профанное, которое обладает такими характеристиками как линейность, направленность, необратимость, конечность, смертность и др. Отсюда, переживание бытия и времени в традиционалистском обществе как взаимодействия сакрального и профанного миров, при этом первый всецело определяет собой второй.

В науке, сформированной в Новое время, отстаивается линейное течение времени, линейное течение исторического процесса. К. Ясперс выдвинул идею осевого времени, которое может трактоваться в двух смыслах. Во-первых, в смысле вращения всей мировой истории, как колеса на оси, вокруг ряда исторических событий, центр которых приходится на V в. до н.э. – время формирования современной евроазиатской культуры. Во-вторых, в смысле разворачивания временной оси истории из циклической в линейную. Отсюда столь критикуемая классическая схема европейской культуры с ее делением на эпохи (Античность, Средние века, Возрождение, Новое время, современность) или общественно-экономические формации (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая, коммунистическая) или типы культуры (доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный). Постмодернизм эту линейность отрицает и утверждает множество релятивно-плюральных причинно-следственных рядов. По мысли Ж. Делеза можно говорить о двух кардинально различных временах, которые он обозначает греческими понятиями Хронос и Эон: «Прошлое, настоящее и будущее – отнюдь не три части одной временности. Скорее они формируют два прочтения времени, каждое из которых полноценно и исключает другое. С одной стороны, всегда ограниченное настоящее, измеряющее действие тел как причин и состояние их глубинных смесей (Хронос). С другой – по существу неограниченное прошлое и будущее, собирающее на поверхности бестелесные события-эффекты (Эон)» [4, 91].

Постструктуралистская концепция времени Ж. Делеза сама по себе отдельная, интересная, очень объемная тема исследования, где интересны реминисценции и в Античность (платонизм, аристотелизм, стоицизм), и в Средние века (западная патристика в лице Августина Блаженного), и в Новое время (трансцендентально-субъективистская концепция времени И. Канта), и в современность (феноменологическая концепция времени Э. Гуссерля и экзистенциальная М. Хайдеггера). Мы же ограничены объемом, поэтому остановимся на сущностных характеристиках Хроноса и Эона у Ж. Делеза. Но прежде необходимо несколько пояснить данный ракурс исследования.

Событийный, процессуальный характер инновационной деятельности указывает на ее временную или темпоральную природу. Слово

инновация, как уже отмечалось, означает дословно «вновление». Тем самым само слово указывает о взаимодействии каких-то двух планов бытия. Инновация сначала оформляется в виде неких новых идей, а потом эти идеи получают свое воплощение в социокультурной действительности. Это «сначала – потом» может иметь не только диахронический, что было бы само собой очевидным, но синхронический характер, поскольку деятельное отношение к предмету предполагает задействование и идеальных, и материальных слоев одновременно.

Когда художник пишет картину, поэт стихи, композитор музыку, ученый решает научную задачу идеальное (смысловое) и материальное (вещное в виде эскизов, словесных, музыкальных, смысловых фраз) переплетены между собой. И это переплетение, на наш взгляд, обладает темпоральной природой. К примеру, у И. Канта посредником между трансцендентальной логикой (мышлением) и трансцендентальной эстетикой (созерцанием) выступают схемы времени, благодаря которым возможно взаимодействие чувств и рассудка как в определяющей, так и в рефлексивной способности суждения. Н. Бердяев [2] пишет о трех временах: космическом, историческом, экзистенциальном. Первое принадлежит объективно-природному миру, оно количественно бесконечное, его символ – круг, им занимаются точные и естественные науки. Второе принадлежит социокультурной реальности, тоже количественно бесконечное, его символ – линия, его полюса – прошлое и будущее. Третье принадлежит человеку, оно качественно бесконечное, его символ – точка, оно аккумулирует в себе все три времени: «Всякий творческий акт совершается во времени экзистенциальном и лишь проецируется во времени историческом. Творческий подъем и экстаз вне времени объективированного и математического, он происходит не в плоскости измерения, по горизонтали, а по вертикали. Но результат творческого акта экстерииорируется во временном течении истории» [2, 215]. Инновационная деятельность представляет собой творческий акт. Природа же этого акта, думается, коренится во взаимодействии двух времен Хроноса и Эона, и здесь мы возвращаемся к Ж. Делезу.

Предварительное знакомство с содержанием двух времен – Хроноса и Эона – показывает их бинарную природу. Проработка «Логика смысла» позволила эти многочисленные грани бинарности Хроноса и Эона собрать вместе. Если Хронос – циклическое сплетение множества моментов настоящего, то Эон – линейно растянутые моменты прошлого и будущего. Если Хронос телесен, зависит от ограничивающих его материальных (социокультурных) обстоятельств, то Эон освобожден от материальных оков, он, в определенном смысле, бестелесен. Если Хронос выражает действие тел и их качеств, то Эон представляет собой место бестелесных событий и атрибутов. Если Хронос заполнен телесностью в качестве причин, то Эон

содержит эффекты, которые, при этом, его не заполняют. Если Хронос – время становления и новых начинаний, то Эон – настоящее чистого действия, а не телесного воплощения. Если Хронос – актуальная бесконечность, то Эон – потенциальная бесконечность. Инновация зарождается во времени Эона с его бесконечным дроблением в прошлое и будущее, свободой от материальных оков, чистотой действия, но получает свое воплощение в Хроносе. Но как возможно это зарождение в Эоне, а потом переход в Хронос? Зарождение новации в Эоне возможно в силу ризоморфности последнего, в силу того, что событийные ряды в Эоне взаимодействуют между собой не в силу причинно-следственных связей, как это происходит в Хроносе, а в так называемых пунктах проблематизации или силовых точках: «События – это идеальные сингулярности, коммуницирующие в одном и том же Событии. Следовательно, они обладают вечной истиной. Их временем никогда не является настоящее, вынуждающее их существовать и происходить. Скорее события неизменно пребывают именно в безграничном Эоне, в Инфинитиве» [4, 82]. Ж. Делез говорит о чистом событии как одновременно вести и вымысле. Инновация до своего воплощения может пониматься как вымысел, как то, чего раньше еще не было, как то, существование и жизнеспособность еще ничем не удостоверено. Но инновация приходит же и как вещь. Инновационный бум, связанный с компьютерными технологиями, – вестник перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Если в конце 80-х гг. XX в. возникал вопрос «А зачем в каждой американской семье персональный компьютер?», то сегодня таких вопросов просто нет, потому что без компьютерной техники сложно что-то сделать. Если в начале 90-х гг. XX в. мобильная связь была достоянием немногих, имеющих определенный уровень социального положения и экономического достатка, то сегодня такая связь общедоступна. Если раньше сетевые сообщества были уделом избранных (закрытые НИИ), то сегодня – не просто достояние масс, по сути, речь идет о возникновении новой культуры, нового видения мира, которое эпатажный А. Бард и Я. Зодерквист уже назвали нетократией (netocracy – власть сети), на одном полюсе которой невинные флешмобы с танцами, песнями, перфомансами, а на другом – реальные социальные потрясения, в частности Арабская весна и события на Майдане в ноябре 2013 – феврале 2014 гг.

Инновация зарождается в Эоне, потому что Эону присуща парадоксальность, проблематичность, сингулярность, он – «идеальный игрок, привнесенный и разветвленный случай, уникальный бросок, от которого качественно отличаются другие броски» [4, 95]. Парадоксальность Эона обуславливает наличие в нем момента абсурда. И если фундатор философии абсурда А. Камю жестко разделял абсурд и смысл, то для Ж. Делеза это взаимно предполагающие друг друга понятия: «Парадоксы

увлекательны лишь тогда, когда иницируют мысль... Сила парадоксов не в том, что они противоречивы, а в том, что они позволяют нам присутствовать при генезисе противоречия» [4, 107]. Иными словами, парадоксальность, абсурдность позволяет высвободить место новации, новому смыслу.

Каким же образом происходит запуск механизма инноваций в темпоральном срезе? Попробуем предположить следующее. Ж. Делез определяет еще Хронос как время смещений, сочетаний. В таких смещениях и сочетаниях возникают потрясения. Ж. Делез говорит об умопомешательстве темпоральной среды или Хроноса. Древние китайцы говорили о «времени перемени». В. Шекспир это выразил так: *The time is out of join* (Hamlet, Act One, Scene Five) – фраза давшая множество смысловых коннотаций в переводах: «Порвалась дней связующая нить» (Б. Пастернак), «Наше время сорвалось с петель» (Д. Аверкиев), «Порвалась цепь времен» (К.Р.), «Век распался» (М. Лозинский), «Век вывихнут» (А. Радлова), «Время в беспорядке и смятенье» (В. Рапопорт), «Цей час – як вивих» (Ю. Андрухович).

Указанные потрясения Хроноса приводят к

возникновению событийности и, соответственно, к разворачиванию того или иного Эона. Между Хроносом и Эоном возникает складка (Le Pli), точнее, множественность складок, которые носят не причинно-следственный, а проблематичный характер. Проблематичность же эта одновременно и субъективна, в силу несовершенства наших методов, и объективна в силу различного рода конфигураций событий.

Выводы. Событийность инновационной деятельности задает ее бытийно-исторический характер: персоналистичность, контекстуальность, сингулярность, процессуальность. Как событие инновация есть то, что задает действие, генерирует новые смыслы, пребывает в становлении, раскрывается как проблематическое и проблематизирующее. Процессуальный, сингулярный, исторический характер инновации конституирует ее темпоральное измерение, которое раскрывается в узловых точках пересечения циклического, телесного настоящего или Хроноса и линейного, бестелесного прошлого-будущего или Эона (Ж. Делез), где потрясения в социокультурном пространстве настоящего (Хронос) вызывают к жизни потребности к изменениям и новациям в будущем (Эон).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью [Текст] / А. Бадью, Ф. Тарби. – М.: Ин-т Общегум. Исслед., 2013. – 192 с.
2. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1995. – 375 с.
3. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература [Текст] / В. Бибихин. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 416 с.
4. Делез Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делез. – М.: «Раритет», 1998. – 480 с.
5. Киященко Л.П. Событие и смысл (Синергетический опыт языка) [Текст] / Л.П. Киященко, Тищенко П.Д. (ред.). – М.: ИФ РАН, 1999. – 279 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме [Текст] / М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.
8. Хюбнер К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996. – 448 с.

Статья поступила в редакцию 15.02.2015

REFERENCES:

1. Badiou A. Philosophia i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosophiyu Alaina Badiou (Philosophy and Event. Conversations with Brief Introduction in the Alain Badou's Philosophy). M., 2013. – 192 p.
2. Berdyayev N.A. Tsarstvo Duha i Tsarstvo Kesarya (Kingdom Heaven and Kingdom Cesar). M., 1995. – 375 p.
3. Bibihin V.V. Slovo i sobytie. Pisatel' i literatura (Word and Event. Writer and Literature). M., 2010 – 416 p.
4. Deleuze G. Logika smysla (Logics of Sense). M., 1998. – 480 p.
5. Kiyashchenko L.P. Sobytie i smysl: synergeticheskij opyt yazyka (Event and Sense: Synergetic Experience of Language). M., 1999. – 255 p.
6. Heidegger M. Bytie i vremya (Being and Time). M., 1997. – 451 p.
7. Heidegger M. Pis'mo o Gumanisme (Letter about Humanism). M., 1993. – P. 192–220.
8. Hubner K. Istina mytha (The Truth of Myth). M., 1996. – 448 p.

Остренко Сергей Андреевич – соискатель

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Адрес: 49010, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 72

E-mail: ostrenko2005@ukr.net

Ostrenko Sergei Andreevich – applicant

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university

Address: 72, Gagarin Av., Dnepropetrovsk, 49010, Ukraine

E-mail: ostrenko2005@ukr.net